

«Происходит и будет происходить территориальное переформатирование сельских пространств»¹

Н. Е. Покровский, А. М. Никулин

Никита Евгеньевич Покровский, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; профессор, НИУ ВШЭ. 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: npokrovsky@hse.ru

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; проректор по научной работе МВШСЭН 119571, Москва, пр. Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Аннотация. В интервью профессора НИУ ВШЭ Н. Е. Покровского обсуждается его путь в науку, связанную с проблематикой сельско-городского развития. Отталкиваясь от собственного опыта изначально городского жителя, Покровский размышляет, как и почему горожане приходят в деревню со своими проектами и планами проживания и обустройства окружающей действительности. В интервью рассматриваются жизненные траектории разных социальных страт горожан в их сельских поисках. При этом даются существенные характеристики динамики сельских изменений последних десятилетий, в том числе на основе личного опыта Покровского, связанного с многолетней работой Угорского проекта сельского развития в Костромской области. Как социолог-американист Покровский обращается в своих размышлениях и к американским корням сельского образа жизни, связанным с идеями Т. Джефферсона и Г. Торо, а также своим личным впечатлениям от работы и проживания в сельских регионах США.

Большое внимание в интервью уделяется вопросам пространственного переосмысления сельско-городского развития, связанных, с одной стороны, с критикой современного образа жизни в крупных городах, а с другой — с новыми направлениями не только экономических и технологических, но также культурно-исторических и рекреационно-экологических практик в сельской местности.

В заключение ставится вопрос о возможности нового картографирования сельских пространств с целью комплексной оценки развития локальных территорий.

Ключевые слова: город, деревня, субурбанизация, дезурбанизация-контрурбанизация, миграция, дачи, экология, Генри Торо, Угорский проект

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-2-140-158

А. М. НИКУЛИН: Пожалуйста, расскажите о начале Вашего жизненного пути в связи с сельской проблематикой.

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Начнем от противоположного. На все сто я — чистый продукт городской цивилизации, притом советской. От этого никуда не деться. Родился в Москве, все мои родственники также или из Москвы, или из Петербурга. Так что к сельской местности они имели отношение только как землевладельцы в далекую дореволюционную пору. Кстати сказать, были среди них и крупные помещики по линии моей матери — род Качаловых. Что касается меня, то я родился между Пушкинской и Маяковской площадями, на Тверской, раньше улица Горького, там прошло мое детство. Можно сказать, я впитал город, Москву, всеми фибрами души.

А. М. НИКУЛИН: Вы москвич не из спальных районов, а с Тверской!

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Спальных районов в нынешнем понимании этого слова тогда еще фактически не было. Был исторический город, были «сталинские» дома, рабочие кварталы 1930-х — это и была «новая» Москва тех дней. И были полудеревни вокруг, смыкавшиеся с городской застройкой. В 1960-е я с родителями переехал на Кутузовский проспект.

А. М. НИКУЛИН: Кутузовский не менее чем Тверская престижный московский район.

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: В каком-то смысле да. Но мои родители никакого отношения к чиновной номенклатуре не имели. Они были людьми искусства. И отец, и мать, и отчим — крупные деятели кинематографии. Мой отец был режиссером-оператором научного кино на «Центрнаучфильме» и очень много времени проводил в экспедициях, в том числе и в сельской местности. Я бы сказал, что он был человеком науки, но и человеком кино — тоже. В целом он тяготел к научному дискурсу и последние десятилетия своей профессиональной деятельности был тесно связан с академгородком Пушкино-на-Оке, снимал там фильмы о биологических исследованиях и ученых.

А. М. НИКУЛИН: Его специализацией была научная документалистика, не художественные фильмы?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Он выпускник ВГИКа с перспективой работать на «Мосфильме», но вполне осознанно отказался от этого в пользу научного кино. Кстати, у него не документалистика — не съемка текущих событий, а научное кино, углубление в научную проблему и расширение познаний киноаудитории в тех или иных областях науки. Среди многих своих кинолент он снял фильм о Петре Алексеевиче Кропоткине, когда имя великого мыслителя-анархиста было фактически под запретом в СССР. Вначале фильм назывался «Князь-бунтовщик». Потом цензура исправила его на просто «Петр Кропоткин». Портреты Кропоткина, использованные в фильме, стали украшать стены нашей комнаты. Любовь к Кропоткину вошла в мое сознание с ранних школьных лет и осталась до сих пор.

А. М. НИКУЛИН: Как я помню, в советские времена научно-популярное кино было очень почтенным и уважаемым жанром.

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Да, наука была весьма востребована, ее любили. Академия наук вообще считалась храмом знаний, недостижимым и лучезарным олимпом. О научной карьере можно было только мечтать. (Это я уже о себе говорю.) Отец снял фильмы по самым разным научным направлениям, но постепенно все стало концентрироваться на географии, океанологии и биологии. Он был близко знаком со многими академиками, они часто сидели допоздна на нашей кухне в квартире на Тверской. Эти известные люди отца любили, видели в нем какую-то эманацию их научного этоса, считали, что люди кино становятся их соавторами. Да отец реально и был соавтором, скорее, соучастником. Я вспоминаю, когда он получал сценарий (сценарии обычно приходили от профессиональных сценаристов), то запирался в Ленинской библиотеке, изучал всю литературу по научной теме. Таким образом он тоже становился, можно сказать, специалистом в этой области и говорил с учеными на их языке. Причем это не был поверхностный киношный подход «Снимем план сегодня, снимем план завтра, давайте синхрон...» — нет. Все это в нашей семье опрокидывалось на меня водопадом впечатлений и ранних эмоций. Кстати, отец хотел, чтобы я стал биологом. Еще будучи школьником-старшеклассником, я в летние каникулы устроился работал в розарий Ботанического сада МГУ на Ленинских горах. Отец допускал, что я стану археологом или историком, но жизнь повернулась и развернулась совсем иначе. Отец до конца дней не смирился с тем, что я пошел другой дорогой, и посему он не слишком интересовался моими дальнейшими шагами. Это не было конфликтом. Но я сейчас сам, будучи отцом, понимаю, что в своем ребенке ты хочешь увидеть продолжение себя, чтобы твой ребенок не повторял твоих ошибок, а развивал, может быть, какие-то твои достижения.

А. М. НИКУЛИН: А Ваш выбор?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Кроме дачи в Лианозово под Москвой, в другой сельской местности я не жил. Потом добавилась дача в Переделкино в кругу писателей с отчимом и матерью. Это такая «подмосковная миграция» со всеми ее плюсами и минусами. Летом отец брал меня на Селигер на рыбную ловлю, жили мы не в домах отдыха, а в крестьянских домах в деревне Залучье под Осташковом и в Вышнем Волочке, на Валдае. Но это все ушло полностью к концу моей школы. И вот только в университете на втором курсе под руководством Ивана Маркеловича Слепенкова (кафедра конкретных социологических исследований отделения научного коммунизма) я поехал вместе с группой социологов в Ставропольский край, где мы занимались исследованием крестьянских домохозяйств. Было очень интересно, но эта экспедиция не сделала из меня социолога, я вернулся на прежнюю стезю истории зару-

бежной философии, и еще больше отдалился от сельской тематики, став профессором и доктором наук по совершенно другим сюжетам.

Впрочем, я писал кандидатскую и отчасти докторскую диссертации по американским трансценденталистам, а это философия ухода из города через острый конфликт с городом как таковым. Но не уход в сельскую общину, «на землю», в архаику, а уход в себя на фоне девственной природы. В дальнейшем именно из этой философии все и выросло в теоретическом плане и в моей биографии тоже.

Деревня, сельские просторы, «малые территории» были на далекой периферии моих интересов до того момента, когда, защитив докторскую диссертацию в середине 1990-х, мне стало очень мутно в Москве, и я начал задумываться о том, чтобы уехать из города. Почему так? Не знаю. Но именно тогда я явственно почувствовал кризис в своем отношении с Москвой. Она стала мне не только не интересна, но и активно «перпендикулярна». Знакомые с детства кварталы и дома в центре города на глазах превращались в свое инобытие, историческая застройка либо трансформировалась в лубочные декорации новостроев, либо просто шла под снос, менялась сама социально-психологическая атмосфера Москвы. Город наполнился новыми людьми, которые не вызывали у меня ни восторга, ни сочувствия. Город стал не моим городом. Чужим. И случайно, как это часто бывает, в буфете на 10-м этаже Первого гуманитарного корпуса МГУ разговорился с коллегой по социологическому факультету, где я тогда работал. Она рассказала, как они с мужем-художником купили дом под Тотьмой в Вологодской области и очень довольны. И так красочно мне это описывала, что я попросился туда съездить, может быть, что-то найти и себе. Это было зимой, я осмотрел их дом — видимо, в прошлом купеческий: первый этаж кирпичный, второй — деревянный, много окон. Я вернулся ни с чем, но идея меня не оставляла. Потом соседи по даче в Подмосковье сказали, что у них есть дом в Костромской области, пригласили съездить к ним. Это был 1996 год. Мы без машины: до Мантурово с Ярославского вокзала ехали ночь, потом автобус, потом 4 км пешком. Дорога — исторический старый Екатерининский тракт в Сибирь, шла по высокому берегу Унжи, до усадьбы «Отрада» Фонвизиных-Апухтиных, с полностью сохранным парком, но без усадебного дома. Я увидел красоту ландшафта утром, потому что поезд приходил в 6 утра — и сказал сам себе, что тут я и хочу найти дом. Здесь и нигде больше.

И дом нашелся довольно скоро! Я совершенно не знал, что делать с сельскими домами, как они устроены, как это все происходит... Чисто городской человек с редкими прикосновениями к сельским локусам вдруг оказался владельцем большого, даже огромного дома с одиннадцатью окнами, обрамленными резными наличниками. Дом стоил 14 тысяч рублей по ценам до августа 1998 года. Но дальше выяснилось, что прогнили нижние венцы сруба, их «выцепля-

ют», поднимая дом домкратами, что я и проделал на следующее лето. Как только состояние дома улучшилось, стал приглашать московских друзей. И это оказалось моим новым авторским «брендом» — Кострома, 600 км от Москвы, на берегу Унжи — все новое. Ни у кого ничего подобного нет, только у меня.

Коллеги были из Высшей школы экономики, где я преподавал с 1999 года, или из МГУ, то есть все люди моего круга: экономисты, географы, социологи. Все приезжали ко мне с охотой. Постепенно у нас начались разговоры о том, что происходит вокруг нашей деревни, в других деревнях и вообще в сельской местности. Кто эти местные жители, чем они занимаются, какое здесь население, какова динамика развития и т. д.

Большую роль во всем этом стала играть знаменитый социальный географ Татьяна Григорьевна Нефедова — ее и ее мужа Андрея Ильича Трейвиша, также известнейшего географа, привез к нам Сергей Николаевич Бобылев, сейчас он заведующий кафедрой природопользования МГУ, ведущий специалист в своей области в России. Вечерами мы на сеновале развлекали себя киносеансами. На большом экране во всю стену от пола до потолка со стереозвучком смотрели видео. И однажды после очередного просмотра Нефедова задает во всеуслышание вопрос в своей радикальной манере: «А что я, собственно говоря, здесь делаю? Зачем я здесь?» Вопрос повис в воздухе. Но в ту же поездку Татьяна Григорьевна, уезжая, подыскала и купила себе дом по соседству. В общем, встала проблема, что надо летом что-то делать, чем-то разбавлять наше отпускное времяпрепровождение, потому что за грибами особо не ходим, а бесконечно купаться в реке не будешь... На неформальной основе научного интереса к окружающей социальной среде альянс довольно скоро у нас возник! Возобладал исследовательский инстинкт. Что тут происходит? Каковы перспективы местной жизни? Красота фантастическая, а дальше? Не может же быть, что все это обречено на умирание. Просторы необъятные, а дальше что? Стали разбираться, подали на грант в РФФИ, тут же его получили. И понеслось-поехало.

Это был первый этап — попытка понять, что там происходит. На втором этапе, который продолжается и поныне, утвердился поисковый вопрос-проблема. А что можно со всем этим сделать и что там, в принципе, может быть? В каких вариантах, в каких направлениях может что-то развиваться в сельской местности Ближнего Севера? Короче, первый этап перешел во второй.

Каждый этап был отмечен многочисленными книгами и журнальными публикациями. К нам присоединился профессор Владимир Иванович Ильин из Петербурга, профессор, член-корреспондент РАН Виктор Федорович Петренко, бывали и видные иностранцы. Я шутил: «Прямо-таки профессорский взвод». Мы стали каждый год проводить международные конференции, которые дополнялись экспедициями. Все это очень благосклонно финансировал РФФИ,

иногда — фонд «Хамовники», кто-то еще. Это давало нам возможность проводить конференции, по четким программам, с тезисами, публикациями, видеозаписями, чем дальше, тем больше. Последняя конференция — 120 человек, притом не просто молодежные тусовки, а серьезные встречи, мозговые штурмы сельско-экологической проблематики. Все это и получило название «Угорский проект». Его много раз можно было превратить в некое юрлицо, научное НКО, но мы решили, что есть «Сообщество профессиональных социологов» и под его брендом мы и будем действовать. Таким все и остается до сих пор.

Высшая школа экономики в лице Симона Кордонского частично интересовалась нашим проектом, стал активно в нем участвовать Юрий Плюснин: построил у нас в деревне дом, еще дом купил в соседнем селе в Угорах уже для своих студентов, которых не столько интересовали крестьянские сюжеты, сколько управленческие. И все участвовали в совместных конференциях, сидели за одним столом. Иногда мы объединяли несколько грантов, чтобы больше успеть сделать. И так шло до 2017 года. Потом Плюснин с Кордонским перешли на дальние поездки по России, поскольку их перестала устраивать такая базовая «стационарность». А мы как раз «вращались в землю», укоренялись, если так можно выразиться. К шести домам в деревне Медведево только что добавилось историческое каменное здание закрытой школы в соседних Угорах. Это уже серьезно и даже очень. Памятник архитектуры регионального значения с 770 квадратными метрами отапливаемой площади под крышей. Предстоит основательный ремонт, облагораживание участка и, главное, насыщение всего этого великолепия содержательной и продуктивной деятельностью. Притом что любопытно. В данном случае монументальный дом, который мы просто хотели спасти от запустения и разрушения, стимулирует поиск новых форм деятельности — научной, просветительской, образовательной. Вот только, скажу честно, душа у нас не особо лежит к ныне модному сельскому туризму. Не наше это дело. Не наше!

А. М. НИКУЛИН: Далековато все это для стационара...

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: И да, и нет. Расстояния, дистанция имеют магическое свойство почти мгновенно очищать «операционную систему» вашей психики от городских наслоений и комплексов. Все городское уходит в мгновение ока и устанавливается новая операционная система. Мозг обновляется по мановению волшебства. Проверено на протяжении последних двадцати лет. По моему мнению, это и есть главное притягательное свойство внегородской жизни на значительном удалении от города. Притом, надо заметить, так называемые «дачные анклавы» Подмосковья этим магнетизмом не обладают вовсе. Ближние дачи это своего рода деградация города, но несколько в другой плоскости. Поэтому концепция Угорского проекта предполагает создание удаленных поселений горожан до 600–700 километров от мегаполиса. К этому постепенно и идет

дело. Деревни вокруг нашей базы постепенно, но неуклонно обрастают московскими и петербургскими домовладельцами. Их не смущают расстояния. Ибо перезагрузка «операционной системы» стоит того. А в современном мире мобильностей и инфокоммуникаций и удаленной работы онлайн расстояния не имеют большого значения. Конечно, не все так благостно, как можно подумать, слушая мои песнопения во славу дезурбанизации.

А. М. НИКУЛИН: Например?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Дело в том, что бегство от города, освобождение от его прессинга и оков не такая простая штука. Да, расстояния, удаленность важны, важны ландшафты, важна тишина, важна привязка к местам исторической памяти, важна свобода самореализации. Все так, все верно. Но... но город это не только циклопические по своим размерам здания «человейников» и плиточные тротуары с искусственными сакурами в придачу. Город — это прежде всего его жители, люди. И вот устремляющиеся на просторы внегородской России горожане приносят с собой в сельскую местность свой социокультурный багаж, свой социопсихологический синдром и свои комплексы. И это серьезная проблема. Она видна невооруженным взглядом. Деревни, расположенные в фантастически живописных местах, начинают наполняться коттеджной застройкой в «лучших» традициях рублевского Подмосковья. Возводятся заборы из профнастила, укладывается плитка на дорожках, приусадебные участки по вечерам светятся фонариками на металлических столбиках. И т. д., и т. п. Всем знакомая тошнотворная картина. И все это в семистах километрах от мегаполиса. Город не сдастся. Он как вирус просачивается всюду. Как говорится, за что боролись, на то и напоролись.

А. М. НИКУЛИН: И что делать в таком случае?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Единого рецепта, я думаю, нет. Навскидку упомяну некоторые варианты решений. Скажем, признание местности «особо охраняемой зоной» или «достопримечательным местом». А это сопутствующие ограничения по строительству и декору домов. Но получение такого статуса, вернее, присвоение этого статуса просто непосильная задача, сопряженная с Монбланом бюрократических бумаг и процедур на областном уровне. В других случаях местные муниципальные власти могут фиксировать договоры купли-продажи недвижимости с обременением в виде ограничения строительства. При этом, однако, власти могли бы не только запрещать, но и предлагать каталог возможных архитектурно-планировочных решений, не нарушающих гармонию историко-природной среды. Можно разумно размещать новые домовладения в местах, скрытых от внешнего обозрения. И делать это исключительно по проектам специально подготовленных архитекторов. Но столь просвещенных и думающих властей мне еще не приходилось встречать на своем пути. Как правило, муниципальные начальники даже не могут взять в разумение, о чем идет речь. Такова глубинная

Россия. Увы и ах! Так что дезурбанизация — это сочетание функциональных благ и агрегированных дисфункциональных последствий. Строго в духе функционалистской модели моего любимого Роберта Мертона, который, кажется, в начале 1990-х как раз и ввел меня в теоретическую социологию, чем я безмерно горжусь.

А. М. НИКУЛИН: Давайте вернемся чуть назад. В конце 1990-х годов Вас в значительной степени воспринимали как социолога-американиста, который занимается исследованием наследия классиков американской социологии.

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Я сам себя так воспринимал!

А. М. НИКУЛИН: И Вы им остаетесь! Ведь Вы и в Угорах создали некую «реплику» Генри Торо?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Да, «реплика», верно. Я пожизненный член Общества Генри Торо с 1978 года, посещаю практически все ежегодные собрания общества или выступаю онлайн, имею награды этого общества. И я решил, что было бы логично построить у нас в Медведево знаменитый домик Торо у Уолденского пруда. Мне тут же прислали из Конкорда подробнейшие чертежи. Они, естественно, были в дюймах и футах, но местные плотники через своих детей, в интернете, быстро перевели все в метры и построили этот замечательный домик, известный всему миру. Первым жителем нашей «реплики» стал профессор Владимир Ильин из Петербурга — с обязательством написать что-то по мотивам Торо и не меньшего литературного масштаба. Ожидаем. В домике есть камин с внешней трубой в духе Новой Англии — первый такой камин в Костромской области!

А. М. НИКУЛИН: Наверное, где-то в Аппалачах находится сам прототип?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Нет, рядом с Бостоном, в Конкорде. Сам домик не сохранился, но его точная копия воспроизводится у Уолденского пруда.

А. М. НИКУЛИН: Вы по ней и создавали?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Да. Генри Торо для американцев, что для нас Лев Толстой.

А. М. НИКУЛИН: Как у Вас возникли американские интеллектуальные сюжеты? И чему были посвящены кандидатская и докторская?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Я сначала писал студенческие курсовые, как все тогда писали, по каким-то не очень понятным кондовым темам. Первая серьезная курсовая на кафедре зарубежной философии была по теме «Социально-политическая философия Томаса Джефферсона». Он меня заинтересовал теорией демократии. В брежневские годы, в 1969–1970-м это было «круто», как говорит сейчас молодежь. Я поднял всю литературу по XVIII веку, современность меня не интересовала (молодым умом понял, что нужно подальше держаться от «идеологической борьбы двух систем», «американского империализма» и прочего в том же духе, —

все это своего рода мусор, а надо уходить в «благородную историю»). В моей работе не было никакого «Леонида Ильича» или «постановления партии и правительства», но при всем том она получила премию на Всесоюзном конкурсе студенческих работ. Чисто историческая работа по философии демократии. А потом я, продолжая изучать эту тему, погрузился в Библиотеку иностранной литературы, в библиотеку МГУ, где целые дни проводил в поисках первоисточников. И вот натолкнулся на Торо, который меня покори́л без остатка. И уже следующую курсовую я написал о Генри Торо.

Я учился в МГУ на философском факультете, специализировался по кафедре истории зарубежной философии, которая по тем и по нынешним временам выглядит как созвездие очень серьезных людей. Мне, например, читали лекции Мираб Мамардашвили, Александр Пятигорский (я ему сдавал экзамены в курилке ИНИОНа), Сергей Аверинцев, Валентин Асмус и многие другие светлые головы. А моим руководителем был завкафедрой Юрий Константинович Мельвиль, очень интересный человек. Мельвиль, зная конъюнктуру и рассматривая меня в качестве перспективного аспиранта, сказал: «Нет, пожалуйста, пишите диплом по Джону Дьюи». А Дьюи это уже XX век, совсем другое время. Я сопротивлялся, но не смог настоять на своем. Написал. Качество работы было среднее, как я сейчас вижу, хотя свою пятерку получил. Зато я по ходу дела прочитал-изучил весь американский прагматизм — и плюс к этому Ройса и Сантаяну. Поступил в аспирантуру, где снова возник вопрос: «Что Вы будете писать?» Мельвиль настаивал на том, чтобы это была теория культуры Дьюи. Видимо, это совпадало с какими-то его интересами, как и я сейчас рекомендую своим аспирантам писать о том, что меня так или иначе интересует. А у меня опять и опять не лежала душа к Дьюи. И когда надо было в конце первого года сдавать кандидатский экзамен и окончательно утверждать тему, я честно сказал, что кандидатскую буду писать либо о Торо, либо я вовсе уйду из аспирантуры.

А. М. НИКУЛИН: Какой устойчивый интерес к Торо!

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Да, мне очень нравилась его философия ухода, философия «несотрудничества» с системой.

А. М. НИКУЛИН: У Торо есть именно такое выражение «несотрудничество с системой»?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Нет, прямо такого выражения нет, но есть «долг гражданского неповиновения», из чего вырос отчасти и Толстой, и Ганди, и Мартин Лютер Кинг. Неповиновение основывается на нежелании общаться с системой и покоряться ей.

А. М. НИКУЛИН: А насколько Толстой и Ганди знали Торо?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Текстуально знали, что удивительно. В Ясной Поляне у Толстого на полке рядом с письменным столом стоит «Уолден, или Жизнь в лесу». Но особенно любимым у него было эссе «О долге гражданского неповиновения». Толстой способ-

ствовал переводу Торо на русский язык. Кстати, у него в Ясной Поляне тоже был «домик Торо» (так его называли в семье Толстого), но он не очень похож на «исходник». Эта постройка предназначалась специально для крестьян, которые приходили лечиться в усадьбу. Понятно, что семье не очень хотелось размещать их в усадебном доме, и был построен «домик в яблоневом саду», он же «домик Торо».

А. М. НИКУЛИН: Получается, у вас был собственный опыт гражданского неповиновения, в тот момент, когда Вы поставили вопрос «или — или».

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Громко сказано. Возможно. Но это все было очень мягко, без надрывов. Мельвиль был человеком в высшей степени разумным, он позволил мне заниматься тем, чем я хочу. Потом я много раз пересекался с философией Дьюи по курсам лекций, которые я читал на философском факультете по современной философии и т. д. Никакой нелюбви к Дьюи у меня не было и нет, наоборот! У Дьюи много интересного — теория культуры, образования — просто у меня не лежала к нему душа. В 1994 году на ежегодном собрании Общество Торо в Конкорде, ко мне подошел «торовед», оказавшийся проректором Варбургского колледжа в Айове. Он спросил, не хочу ли я преподавать на открывающейся у них кафедре программ чего-то международного и глобального. Так я оказался в Айове в знаменитом сельскохозяйственном штате. Там-то я и погрузился в глубины американского фермерства. Чисто ландшафтно — это равнина, одни кукурузные поля и яблоневые сады, до самого горизонта. А еще — свинофермы, где производится знаменитая айовская свинина, pork chops, толщиной 2 дюйма. Я там пробыл год: у меня была выданная мне машина, и я мог ездить куда угодно. Я посмотрел, как интересно устроено американское фермерство, как там все крутится. Три тысячи коров управляются тремя фермерами, все на автоматике. Меня поразило, что на ферме нельзя купить свежего молока, даже если вы приходите в гости к фермеру: «Можно бутылку молока? — Нельзя, все с печатями отправляется на молокозаводы. Мы вас любим, но даже физически не можем отлить молока». Впечатление на русского человека это производит незабываемое. Потом я часто это вспоминал, когда оказался в костромской деревне...

А. М. НИКУЛИН: А что Вы читали студентам в Айове?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Курс на английском языке про Торо, про Толстого. И еще курс общей социологии. Это был социологический факультет частного протестантского колледжа. Хорошо, что это был не Нью-Йорк, где я никогда не согласился бы жить, это была глубокая американская провинция с маленьким университетским городком посреди кукурузных просторов... Кстати, именно там поблизости производят трактора «Джон Дир» с желтыми колесами.

А. М. НИКУЛИН: На какую тему была Ваша докторская?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Диссертация была посвящена теориям одиночества. Я эту тему начал в 1980-е годы, еще в советское время, в брежневскую эпоху застоя. Это тоже своего рода диссонанс отношений с внешним миром, через призму личного. После защиты кандидатской в начале 1970-х я стал думать о проекте докторской диссертации. Где-то с конца 1980-х пошел в докторантуру МГУ и начал активно разрабатывать эту тему — никто не возражал... Позже я опубликовал книжку «Универсум одиночества»: главный тезис которой состоит в том, что уединение и одиночество — это не совпадающие феномены. Если у Торо основная линия рассуждений — это уединение, где твоим партнером, собеседником и наставником выступает природа, то одиночество — это чисто городской феномен, где ты находишься в бесконечном конфликте с окружающим миром. Одиночество всегда конфликтно и разрушительно, а уединение может быть продуктивным. Возможны переходы, но, как правило, это либо одно, либо другое.

А. М. НИКУЛИН: Вернемся опять к проблематике сельского развития: я помню, в начале 2000-х годов в Шанинке была презентация Вашей книги. Вы еще демонстрировали фильм Валерия Виноградского, сделанный по ее мотивам. Вот тогда в Вашем «Угорском проекте» и появилась Татьяна Григорьевна Нефедова. Я с большой симпатией относился и к Вам, и к проекту, к рассказам об Угорах. С другой стороны, зная, в какой разрухе пребывает наша сельская местность, у меня возник определенный скепсис: а вот и посмотрим, что будет с вашими Медведевым-Угорами 20 лет спустя! И отсюда мой вопрос сегодня: что сбылось, что не сбылось? Что Вы предполагали, что в реальности произошло, несмотря на то что вы привнесли мощную культурную составляющую в Угоры — конференции, «десант» креативных людей... У вас сформировалась целая деревня ученых, по проектам вы работали с местным муниципалитетом, налаживая продуктивное сотрудничество?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Губернатор нас посещал...

А. М. НИКУЛИН: И что в итоге?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Тут надо, как мне кажется, чуть переформулировать и прокомментировать Ваш вопрос. Мы не преобразователи земли русской. Мы ученые, исследователи. А вот нашими научными результатами могут, если захотят, пользоваться заинтересованные лица и организации. В деревне мы увидели умирание старого колхозного порядка, разруху, уход людей, распад местных организаций — фермерских хозяйств, всяких ООО. «Рассодея распада», по Андрею Вознесенскому. Мы, городские жители, окунулись в эту «симфонию распада». И нет у меня ностальгического отношения к деревне, какого-то надрывного чувства. Может быть, это и плохо.

А. М. НИКУЛИН: Я помню, что Вы достаточно однозначно и критически заявляли, что колхозно-совхозная жизнь ушла безвозвратно и нечего о ней печалиться.

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Именно так. И сегодня могу лишь это повторить. Есть история, есть археология, этнология, антропология деревни. Это все можно исследовать, у меня тоже есть много артефактов крестьянского быта — над этим, конечно, можно проливать слезы. Но у меня нет такого чувства, что вот это «то самое главное», чем я должен заниматься. Когда я увидел с близкого расстояния распад деревни (иначе и не скажешь), у меня стало работать конструктивное мышление: ну хорошо, «если бы директором был я» — что можно сделать? Что вообще с этим может произойти? Возврат и ремиссия природы? Поля действительно зарастают. Были поля, сейчас уже мелкие сорные леса. Если не ностальгия и слезы, то что? Подспудно возник теоретический конструкт «горожане в деревне». То есть раскрытие потенциала сельских просторов и природы для миграции городских слоев, прежде всего среднего класса, профессионалов. В современной социальной науке это называется «рекреационная миграция» (amenity migration). Единственный ли это трек для будущего внегородской России? Разумеется, нет. Многое зависит от региона, от населения (его наличия или от депопуляции). Так, черноземный юг страны — это в основном сельскохозяйственная индустрия, если можно так выразиться. А вот Ближний Север? По нашей и прежде всего моей прикидке — это рай для рекреационной миграции. Но чрезвычайно избирательной, выборочной с точки зрения локализации. Тут в диалог (если не в споре) со мной вступают сторонники абстрактного возрождения сельского хозяйства на Ближнем Севере. Им грезятся колхозы-миллионеры за каждым поворотом дороги. Сторонники этой точки зрения расточают направо и налево примеры успешных фермеров-одиночек. Но никакой социологии или статистики в этих аргументах даже не ночевало. Я, честно говоря, стараюсь не вступать в эти дискуссии. Мне абсолютно ясно, что это чистая утопия, и пусть ею наслаждаются те, кто себя видит в ней. (Большинство фермерских хозяйств в Мантуровском районе вокруг нас благополучно разорилось. А как ярко они начинали! Сколько было сказано слов!) Видимо, фермерство может существовать в наших краях в качестве поддерживающего своей продукцией городских мигрантов. Как вариант.

А. М. НИКУЛИН: Когда Вы покупали дом, было местное сельское сообщество, знаменитые бабушки. Они остались?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: За 20 лет многие умерли.

А. М. НИКУЛИН: А кто остался?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Это отдельный разговор — кто остался. Остались пожилые пенсионеры и деклассированные люди среднего возраста со всеми особенностями деклассированности. Есть горстки молодежи. Но молодежи, не очень заинтересованной в работе, а так, перебивающейся заработками «по нужде», скажем так.

А. М. НИКУЛИН: В начале реформ шоковой терапии была распространена довольно циничная точка зрения, что советская власть

в виде колхозного строя в определенной степени заботилась о пьяницах, но вот с исчезновением колхозов и пьяницы просто вымрут. Их число действительно уменьшилось?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Алкоголизация населения снизилась, того беспробудного пьянства, какое было еще в начале двухтысячных, уже нет. Кто-то из алкоголиков умер от болезни, кто-то просто замерз в тайге за Унжей. Пьют меньше, возможно потому, что некому стало пить. Зато выделилась категория людей, прежде всего мужчин, которые «с руками». Среди них 35- и 40-летние. Они живут там же, в сельской местности, у них семьи, в нашей деревне, в соседних. И они все время ищут заработки, но они с головой и руками. А поскольку наша деревня ученых является некой «базой заказов» для местных, то у нас постоянно кто-то получает такие заказы на работу. Эти люди пользуются интернет- и мобильной связью, так что в конце каждого дня, если ты в Москве, присылают отчеты по WhatsApp: вот это сделано, вот это. Все бюджеты устанавливаются заранее, все идет платежами Сбера. Такая вот модернизация. Подобных людей не большинство, но они есть, они там живут и будут жить дальше.

А. М. НИКУЛИН: Это местные, это их промысел?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Да, они все время ищут какие-то занятия: то медом занимаются, просят на наших землях ульи поставить; то столяркой, то начинают индеек разводить, потому что из разговора с городскими поняли, что индюшатина идет хорошо. У них холодильники и морозильники дома забиты птицей, всегда можно купить. И все время какие-то взаимные обмены идеями и проектами меж ними и нами идут. Ягодный промысел опять же, целая индустрия: десанты местных жителей просто уходят в леса, что-то сдают в потребкооперацию, что-то городским продают. Умирает ли это? Нет. Может ли это сохранить деревню как поселение? Не думаю, должны быть еще какие-то другие социально ориентированные инъекции. Но в любом случае, это не человеческая пустыня.

А. М. НИКУЛИН: А какова ситуация с местным самоуправлением? Как и везде происходит централизация? Тенденция общей централизации сказывается на Угорах?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Да, и крайне отрицательно.

А. М. НИКУЛИН: Я почти нигде не слышал, чтобы где-то сказалась положительно.

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Вообще говоря, кто был инициатором всего этого административного беспредела? Кому это нужно было? Это было придумано ради одной только экономии средств на содержание муниципального аппарата? У кого был конкретный интерес, шкурный, в проведении этой реформы?

А. М. НИКУЛИН: Это бюрократия, централизующая все и вся. Это один из ключевых подходов стиля управления последних 20 лет — все централизовать. Объединять, укрупнять школы, университеты, городские и сельские территории, что угодно. Созда-

вать громадные аграрные предприятия. Это такой взгляд государственного и корпоративного бюрократа: чем все будет крупнее, тем проще и эффективнее управлять и, конечно, якобы экономнее. Вот так и получается, что муниципальные реформы, ФЗ № 131 закон от 2003 года и последовавшее затем переименование сельских районов в городские округа, все это приводит к тому, что реально социальная жизнь на селе все больше сокращается и затухает.

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Из сельских населенных пунктов буквально на глазах уходит культура, медицина, вся инфраструктура. Почтовые отделения кое-где остались, но превратившись в магазины (там что угодно продается). Начинает действовать фактор уничтожения населения: люди не могут своевременно получить медицинскую помощь. В нашей деревне умер один очень хороший человек, местный, буквально пару месяцев назад. Мы собирали деньги, возили его в районный центр Шарью, в Кострому, дошли до Москвы. И в этих хождениях была «просвечена» вся нынешняя система медицины. В районном центре есть большая поликлиника, но в ней нет врача-специалиста. Он приезжает туда в лучшем случае два раза в месяц. Если у человека проблема, ему надо в очереди ждать полмесяца. Если у человека нет знакомых или родственников в Костроме, куда ему надо ехать, если нет знакомых-родственников в Москве, то ему никто на месте медицинскую помощь не окажет!

А. М. НИКУЛИН: Какие Вы видите дальнейшие возможные альтернативы развития событий? В Угорах и, может быть, для сравнения в других сельских регионах?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: У меня сформировалась некоторая концепция: конечно, происходит и будет происходить территориальное переформатирование сельских пространств. С моей точки зрения, всякого рода система поселений зависит от экономики, от того, чем эти поселения держатся на земле. Нельзя существовать только на традициях, на родственных связях, на приусадебных участках и натуральном хозяйстве. Какой-то должен быть экономический механизм, который все это поддерживает. В противном случае поселения не выживут, умрут. Если подходить к этому с нормально-разумной, а далее — с научной точки зрения, и предположить, что во главе этих областей или районов будут стоять люди с пониманием, то прежде всего нужно провести экспертизу того, что там происходит. Комплексную экспертизу по территории с позиций современной мировой экономики, современных рынков. Эта экспертиза могла бы показать, в чем конкурентное преимущество той или иной конкретной территории. Я хочу сказать, что может быть масса возможностей и перспектив, которые в данный момент не видятся людям без образования и без знания международной конъюнктуры. А они есть. Говоря практически: с моей точки зрения, первое, что надо сделать — создать группы хотя бы в рамках района, состоящие из специалистов многих городских специальностей, местного бизнеса, местных управленцев и активистов НКО, которые

по определенной системе, по определенным картам шли бы и смотрели, что где есть, проводили, так сказать, комплексную инвентаризацию территории. Тут — ландшафты, тут — очень хорошие земли, тут — леса с перспективами, тут возможен туризм, тут хорошо расположатся городские дачники. Так возникает новая карта социально перспективного районирования. И когда она будет сделана, то вдруг может оказаться, что есть интересные горизонты, есть о чем говорить. И местное население начнет вписываться в эти проекты. А так на поверхности одни разговоры и вздохи-охи по замечательным колхозам. Я прекрасно понимаю, что многие сельчане не могут работать в современном темпе, у них другая мотивация, они не подхватывают некоторые новые тенденции, но кто-то из них подхватывает! Это и есть нормальный разумный и научный подход. А говоря о конкретике — я вижу, что многие опорные точки нового уже существуют вдоль реки Унжи: тут — биологи, там — художники, там — еще кто-то. Таким образом могут возникать новые поселенческие проекты. Я сколько раз пытался создать сельский филиал Вышки...

А. М. НИКУЛИН: Сельский университет?

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Да, на Унже. На каком-то приеме я оказался рядом с одним из наших руководителей, который ко мне всегда неплохо относился. Ну, надо о чем-то беседовать за столом, и я начал рассказывать ему о том, какая у нас хорошая база, какие там экологически чистые продукты, что хорошо бы в Вышке создать такой буфет, чтобы прямо из Угор раз в две недели приходил бы маленький автохолодильник с продуктами, чтобы можно было и студентам и преподавателям домой взять... Он выслушал. Но на этом разговор и закончился. У многих городских нет чувства притяжения к сельской местности! Жаль.

А. М. НИКУЛИН: Да, у властей часто какой-то избирательный интерес к сельской местности. Создаются громадные агро-бизнес-проекты, которые производят в фордистских индустриальных масштабах курятину, свинину, зерно, но при этом сельского развития не предусматривается.

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Абсолютно. Хотя для развития сельских поселений видны различные экономические возможности. С 2010 года возник другой проект, куда я включен, он находится в глубине Вологодской области, в Бабаевском районе, это на север от Тотьмы к Великому Устюгу, бывшая Белозерская губерния, где была огромная усадьба Качаловых, на берегу Суды, притока Волги. Мои родственники Качаловы не так давно выкупили эту усадьбу, которая очень неплохо сохранилась, поскольку там была школа, а потом — муниципалитет. У нас там несколько раз проходили конференции Угорского проекта. Вокруг есть и фермеры, и маленькие корпорации производителей. Проект восстановления усадьбы «Хвалевское» возник как центр развития, как точка роста местных сообществ: дом постоянно открыт, в нем проходят разные мероприятия (хотя

в нем и живут хозяева, это семейный дом). И видно, что возрождение идет через усадьбу. В европейской части России сохранилось примерно 480 усадеб, они тоже могут стать драйверами сельского развития, как это сейчас принято говорить. Очень интересно было наблюдать, как воспринимают сельские жители возникновение этого проекта. Для них это так, словно у них высадились марсиане. Любопытно, но никто из них не жаждет там работать, участвовать. Рядом село Борисово-Судское, бывший райцентр, отнюдь не процветающий. Со стороны местных достаточно настороженное ко всему отношение. Я думал: а почему так? Владельцы усадьбы, авторы проекта — грамотные, открытые и доброжелательные люди, с великолепным международным образованием, с деловой хваткой и массой полезных связей в городе. Но не воспринимают их местные. Очень большой тут ценностный и психологический разрыв. Местные будут прозябать, но не включатся в новую и, казалось бы, столь перспективную деятельность. Конфликтов меж ними нет, но настороженность со стороны местных — есть. Любопытно все это.

А. М. НИКУЛИН: У проектов именно культурно-экономического развития порой невозможно определить, где заканчивается культура и начинается экономика.

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Я не сказал главное: конечно, я считаю, что среди множества разных вариантов возрождения и поддержания сельского развития для меня лично это миграция городского населения на сельские территории. Жители мегаполисов прошли уже через упоение близлежащими от города дачами-коттеджами. Татьяна Нефедова много пишет в книге «Между домом и домом», что пригородное дачное существование наносит ущерб и природе и людям. Все эти ДСК, СНТ, коттеджи, которые не дают ощущения сельской жизни, «сельскости», отдохновения от города. Уход городского населения на дальние территории — это следующий этап дезурбанизации.

Дезурбанизация, на мой взгляд, это перспективнейшее направление. Я немного знаком с тем, что обсуждается в мире вокруг дезурбанизации. Мысль такая: город выходит из своих границ, потому что так жить, как мы живем, уже невозможно. «Человеиники», которыми обросли Москва и Подмосковье, не навсегда, рано или поздно пойдет исход населения из мегаполисов. Этот исход уже происходит. Вы уже не купите за бесценок дом за 700 км от Москвы, сейчас цены очень поднялись. Был и исход горожан в села в ковидные времена — мы об этом писали. Со мной можно соглашаться или не соглашаться, многие очень скептически относятся к идее дальней дезурбанизации. Как бы то ни было, разворачивается целая система научного моделирования с вопросами: в какие локусы будет идти миграция? Если провести социально-экономическое и культурно-экономическое картографирование, то очевидно, что миграция будет идти избирательно. Где-то будут оживать покинутые деревни. Другие локусы, наоборот, займут изолирован-

ные «малые территории». Люди начнут селиться или проводить длительное время за городом. Город будет уходить на дальние дистанции. Как быстро, как будет складываться миграция — это обсуждаемо, тут могут быть разные прогнозы. Но ковид дал мощнейший импульс этой центробежной миграции, люди вдруг поняли, что «есть жизнь за МКАДом», что не обязательно там жить по-деревенски, можно обустроить повседневность так, что она станет мало отличаться по современному комфорту от городской. Но после 24 февраля что будет происходить, я не знаю... Если эта ситуация будет усугубляться, то может возобладать центробежная миграция — как обвальное бегство. В том числе и экономическое: кто знает, как будет складываться экономическая ситуация. Уже есть свидетельства того, что москвичи вновь принялись распахивать огороды. Но это уже другая тема и для другого разговора.

А. М. НИКУЛИН: В этом году разные люди налягут на огороды, это очевидно.

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Это бегство от контактирования с городом как с системой. Просто ковид заменился другим. Если до ковида наблюдалась прежде всего рекреационная миграция в поисках лучшей жизни, после ковида может оказаться миграция «подалее» или просто чтобы выжить. Мы знаем всю палитру мотивов, достаточно во «ВКонтакте» посмотреть, чтобы увидеть группы тех, кто уезжает в деревни. Это религиозно настроенные люди, это экопоселенцы, молодые фермеры, молодые семьи, не справившиеся с городской жизнью и мечтающие перейти на натуральное хозяйство. И это возрастные дачники-отставники, которые сделали дачи своим вторым домом.

Дачники — это более реалистичная миграция, которая начнет заполнять удаленные локусы. В какой-то момент они соединятся с деревнями, в каких-то случаях возникнут особые поселения, как в Кировской области, где программисты «Яндекса» создали себе свою деревню. Но тут возникает много вопросов: насколько новые поселения и даже старые, но с экспансией горожан, не будут нарушать то, ради чего туда и приезжают, — экологию, эстетику, межличностные и межгрупповые отношения и т. д. Вот меня, например, беспокоит — начинается строительство коттеджей в сельской местности, а строят уродливо, получается, что горожане с собой приносят то, что разрушает сельское окружение, они порой не понимают, что природа чего-то стоит. Экономисты МГУ во главе с Сергеем Николаевичем Бобылевым посчитали — сколько стоит пейзаж, сколько стоит ландшафт. Когда вы разрушаете ландшафт — мост строите, прорубаете высоковольтную линию, еще что-то, никто же не учитывает вмешательство в сельский пленэр. А экономисты разработали механизмы расчета стоимости разрушения — прямые и косвенные. Разрушили — платите. Так десять раз подумают прежде, чем разрушать. Хотя не факт, что все это будут принимать во внимание. Не та у нас «нонче» жизнь. Я сколь-

ко раз говорил местным властям, что надо делать законодательство на местном уровне по сохранению деревни. Городской купил у вас дом, но его надо продавать с обременением, поскольку это историческая ценность. В договоре купли-продажи должно оговариваться, что можно делать, а чего нельзя. Например, можно выбрать из архитектурного каталога: вот 5–10 видов ограды, вот 4–5–10 проектов бань или гаражей, а иначе штрафы. Деревню надо сохранить, чтобы она была архитектурным единством, а не «ассорти» жутких самопальных проектов. Красивые рубленые дома — чудо народной архитектуры — обшивают пластиковым сайдингом! Если на него не глядеть, то пейзаж вокруг, конечно, остается завораживающим. Но гармония нарушена. Зачем саму деревню портить? Но пока, увы, ни одна муниципальная власть не узаконила необходимость делать архитектурно-ландшафтную инвентаризацию. Мы собираемся подать на грант, чтобы сделать картографирование и инвентаризацию в масштабах хотя бы одного района и понять, что к чему. Уже давно с помощью местных специалистов из Мантурово ведем с квадрокоптеров аэросъемку деревень с последующим подворовым обходом домохозяйств.

А. М. НИКУЛИН: Мои надежды и тревоги с Вашими совпадают. Но чтобы по этому пути пошла миграция из городов в села, надо приложить много усилий, в том числе и нам с вами, обосновывая и пропагандируя возможные пути сельско-городского развития.

Н. Е. ПОКРОВСКИЙ: Пропагандируем и мы и вы. Но есть такая вещь, как социальный механизм, логика, которые заставят людей выходить из города. А выход из города в село чреват и позитивом, и негативом. Негатив надо стараться предупредить. Вооружен знанием и экспертизой — значит, предупрежден!

“There is and there will be territorial reformatting of rural spaces”

Nikita E. Pokrovsky, DSc (Sociology), Chief Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Professor, National Research University Higher School of Economics. Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000. E-mail: npokrovsky@hse.ru.

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Vice-Rector for Research, Moscow School of Social and Economic Sciences. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571. E-mail: harmina@yandex.ru

Abstract. In the interview, Professor N. E. Pokrovsky describes his scientific path related to the issues of rural-urban development. Based on his experience as originally a city dweller, Pokrovsky considers how and why city-dwellers move to the countryside with their projects and plans to change the rural reality; identifies the life trajectories of different social strata of city dwellers in their rural searches; focuses on the essential

characteristics of rural changes in recent decades, including those identified on the basis of his long-term observations in the Ugorsk rural development project in the Kostroma Region. As a sociologist-Americanist, Pokrovsky refers to the American roots of the rural lifestyle — ideas of T. Jefferson and H. Thoreau — and to his personal impressions of rural regions of the United States. Pokrovsky also mentions the spatial rethinking of rural-urban development as related, on the one hand, to the criticism of life in large cities, and, on the other hand, to the new economic-technological, cultural-historical and recreational-environmental practices in rural areas. In conclusion, he considers the possibility of a new mapping of rural spaces in order to assess the development of local territories.

Key words: city, village, suburbanization, deurbanization/counterurbanization, migration, *dachas*, ecology, Henry Thoreau, Ugor project